

Научная статья

УДК 94(470.23)“2001/2022” + 94:159.953 + 316.346.36 + 94(100)“1939/1945”

doi: 10.15826/tetm.2024.1.057

Коммеморативный проект «Ковалевский лес»: конфликты мнемонических акторов и стратегии их разрешения (2001–2022)

Дарья Антоновна Успенская

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
duspenskaya@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7766-5227>

Аннотация. В статье рассматриваются конфликты между мнемоническими акторами вокруг коммеморативного проекта Ковалевского леса как места увековечения памяти жертв красного террора 1920-х гг. Опираясь на идеи О. Двейера и Д. Альдермана об изучении мемориальных объектов, анализируются столкновения между акторами по поводу степени их вовлеченности в формирование проекта и включаемых в него фигур. Автор приходит к выводам о том, что мнемонические акторы, заинтересованные в преодолении забвения красного террора, стремились создать в Ковалевском лесу мифологизированную версию прошлого для посетителей, для которых память о репрессиях, терроре и его жертвах вынесена за черту города. В процессе развития проекта Ковалевский лес становится гибким пространством, в котором выделяется место для многих мифов. Для успешной реализации проекта акторы были готовы выстраивать свои отношения как взаимно принимающие и соглашались с включением в него многих нарративов.

Ключевые слова: коммеморативный проект, мнемонические акторы, конфликты

Для цитирования: Успенская Д. А. Коммеморативный проект «Ковалевский лес»: конфликты мнемонических акторов и стратегии их разрешения (2001–2022) // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 1. С. 16–24. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.057>

Original article

Commemorative Project “Kovalevsky Forest”: Conflicts of Mnemonic Actors and Strategies for Resolving Them (2001–2022)

Daria A. Uspenskaya

European University at St. Petersburg, Saint-Peterburg, Russia
duspenskaya@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7766-5227>

Abstract. The article examines the conflicts between mnemonic actors regarding the commemorative project of the Kovalevsky Forest as a place to perpetuate the memory of the victims of the Red Terror of the 1920s. Based on the ideas of O. Dwyer and D. Alderman on the study of memorial objects, the author in the article analyzes

© Успенская Д. А., 2024

the conflicts between actors regarding the level of their involvement in the formation of the project and the figures included in it. The author comes to the conclusion that mnemonic actors interested in overcoming the oblivion of the Red Terror sought to create a mythologized version of the past in the Kovalevsky Forest for visitors for whom the memory of repression, terror and its victims was carried outside the city borders. In the process of development of the project, the Kovalevsky Forest becomes a flexible space with many myths. To successfully implement the project, the actors were ready to build their relationships as mutually accepting and agreed to include many narratives in it.

Key words: commemorative project, mnemonic actors, conflicts

For citation: Uspenskaya, D. A. (2024). Kommemorativnyi proekt "Kovalevskii les": konflikty mnemonicheskikh aktorov i strategii ikh razresheniya (2001–2022) [Commemorative Project "Kovalevsky Forest": Conflicts of Mnemonic Actors and Strategies for Resolving Them (2001–2022)]. *Tempus et Memoria*, 5, 1, 16–24. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.1.057>

Ковалевский лес — территория на северо-востоке от Санкт-Петербурга, он расположен между Санкт-Петербургом и Всеволожском и входит в состав Ленинградской области. Этот лесной массив находится на территории Ржевского артиллерийского полигона и в настоящий момент представляет собой пространство коммеморации жертв красного террора 1920-х гг. на предполагаемом месте массовых расстрелов или рядом с ним — в зависимости от точки зрения акторов. По одной из существующих версий в Ковалевском лесу были расстреляны участники Кронштадтского восстания 1921 г., а также приговоренные к расстрелу по «делу Петроградской боевой организации» («Таганцевское дело»). Памятное место — это лес, находящийся возле шоссе, в 7 километрах от ближайшего крупного населенного пункта, при этом посещают его горожане, которым из-за такого его расположения может быть непросто добраться туда в одиночку.

С 2001 г. на территории Ковалевского леса различные акторы увековечивали память о жертвах красного террора 1920-х гг., в результате чего это пространство можно рассматривать как коммеморативный проект. При этом необходимо отметить, что Ковалевский лес остается местом, не связанным с официальной памятью государства: памятные знаки могут устанавливать как различные организации, так и горожане, посещающие его. Начиная с момента обнаружения захоронения в 2001 г. члены Санкт-Петербургского научно-информационного центра (НИЦ) «Мемориал»¹ ежегодно, за исключением нескольких лет,

выезжали в Ковалевский лес и фотографировали памятные знаки, устанавливаемые активистами, а также проводили там экскурсии. С 2004 г. подразделения Русской православной церкви проводили в Ковалевском лесу панихиды в дни памяти, а также устанавливали и освещали поклонные кресты. Музей Анны Ахматовой в эти же годы участвовал в проведении памятных мероприятий, посвященных Н. С. Гумилеву, который, по одной из версий, был расстрелян в Ковалевском лесу как участник «Таганцевского дела».

В 2009–2012 гг. по поручению президента Российской Федерации Д. А. Медведева действовала рабочая группа по разработке концепции мемориального комплекса «Ковалевский лес», в которую входили сотрудники НИЦ «Мемориал»², музеев, университетов, представители Русской православной церкви. Все это время в Ковалевском лесу активисты устанавливали самодельные информационные таблички и памятные знаки. Памятные знаки представляют собой заламинированные плакаты с фотографиями, иконами, картинками, выдержками из стихов Н. С. Гумилева, А. А. Ахматовой, молитв и списков расстрелянных.

В 2018 г. к проекту присоединился уполномоченный по правам человека Ленинградской области С. С. Шабанов, который организует в Ковалевском лесу памятные мероприятия и занимается организацией благоустройства территории. В последние несколько лет администрация Всеволожского района Ленинградской области также участвует в организации в Ковалевском лесу памятных мероприятий

¹ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

² Организация, выполняющая функции иностранного агента.

вместе с сообществом памяти Н. С. Гумилева. Панихиды в дни памяти проводит Всеволожское благочиние Выборгской епархии. Таким образом, на небольшой «общей» территории Ковалевского леса в проект вовлечены разнообразные акторы, каждый из которых имеет собственные опыт, идеи и коммеморативные практики, такие как религиозные службы или установка самодельных табличек. В такой ситуации конфликты между акторами были неизбежны, так как каждый из них приводит разные обоснования значимости Ковалевского леса как памятного места, а также имеет разные точки зрения на то, память каких жертв необходимо увековечивать на этой территории. Некоторые акторы со временем теряли интерес к проекту Ковалевского леса и минимизировали свое участие в нем, но в последние годы в процесс вовлечено большее их количество.

В центре внимания данной статьи — способности разрешения мнемоническими акторами конфликтных ситуаций, возникавших в процессе создания памяти о жертвах террора. Рассматривая образы, использовавшиеся при формировании памяти о красном терроре 1920-х гг. и его жертвах, а также акторов, вовлеченных в этот процесс, и их действия, можно исследовать, как память о терроре и репрессиях локализуется в пространстве между городами.

Для анализа Ковалевского леса как пространства коммеморации используется подход, предложенный О. Двейером и Д. Альдерманом [Dwyer, Alderman]. Он позволяет исследовать мемориальные объекты и памятные места на трех уровнях: «текст», предполагающий изучение версий прошлого, воспроизводимых многими акторами; «арена», рассматривающий мемориальные объекты как место столкновения акторов и использования ими «текстов» этого пространства для реализации своих целей; «перформанс», включающий обретение мемориальным объектом определенных смыслов посредством коммеморативных ритуалов. Таким образом, я понимаю Ковалевский лес как арену, где происходит взаимодействие мнемонических акторов, неизбежно носящее конфликтный характер. С формированием Ковалевского леса как места коммеморации были связаны конфликты по поводу «текста» памятного места и способов его реализации. Столкновения между акторами возникали

в основном из-за фигур, память о которых предполагалось увековечивать в коммеморативном проекте Ковалевского леса, но также и по другим поводам.

В центре моего внимания находятся взаимоотношения акторов, представляющих точки зрения негосударственных общественных организаций, Русской православной церкви и государственных административных структур, в процессе увековечения памяти о жертвах красного террора 1920-х гг. в Ковалевском лесу. Необходимо отметить, что в создании коммеморативного проекта участвовали локальные акторы, придерживавшиеся своих собственных целей, идей и позиций. Несмотря на то что региональные сообщества представляли собой подразделения больших организаций, цели и методы этих акторов в некоторых случаях могли не совпадать с идеями центральных отделений организаций или других локальных подразделений. Разрабатываемые в ходе развития коммеморативного проекта предложения исходили в основном от руководителей вовлеченных в этот процесс организаций, от имени которых официально осуществлялась деятельность.

Исследователи, проанализировав отношения между Русской православной церковью и НИЦ «Мемориал»³ в процессе работы над проектом Соловецких островов, пришли к выводу, что «стремление утвердить то или иное толкование этой истории (Соловецких островов) и извлечь из нее определенный этический вывод привело к тому, что организации, занимающиеся исследованием репрессий и увековечением памяти жертв террора (прежде всего НИЦ «Мемориал»⁴), и Русская православная церковь из союзников превратились в конфликтующие стороны» [Шторн, Бутейко]. Конфликтный характер отношений между акторами в процессе работы над проектами Соловецких островов и Ковалевского леса схож, так как и в одном и в другом упомянутые акторы были основными. В процессе работы над коммеморативным проектом Ковалевского леса представители НИЦ «Мемориал»⁵

³ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

⁴ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

⁵ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

фокусировались на увековечении памяти политических жертв, стремясь создать условия для осмысления опыта насилия и нарушений человеческих прав, что приводило к конфликтам со многими акторами, включавшими в проект других жертв.

При подготовке статьи были использованы сведения, полученные в ходе полуструктурированных интервью с людьми, занимавшимися или занимающимися увековечением памяти о жертвах террора и репрессий на территории Ковалевского леса. Интервью были проведены с настоятелем храма православного братства св. великомученицы Анастасии Узорешительницы А. Степановым, уполномоченным по правам человека Ленинградской области С. С. Шабановым и директором НИЦ «Мемориал»⁶ И. А. Флиге.

В ходе поисковых работ группой НИЦ «Мемориал»⁷ в Ковалевском лесу в 2001 г. были найдены останки шести человек, дальнейшие раскопки этой организацией не проводились. Несмотря на то что других захоронений на этой территории найдено не было, за 20 лет Ковалевский лес стал местом увековечения памяти жертв красного террора и репрессий. В стороне от территории, называемой Ковалевским лесом, и в глубине лесного массива, на остающейся закрытой территории полигона, находится урочище Койранкангас, где были найдены и до сих пор обнаруживаются захоронения и расстрельные ямы, однако именно Ковалевский лес все равно остается местом увековечения памяти жертв красного террора и проведения памятных мероприятий во многом из-за удобства своего расположения.

Одна из конфликтных ситуаций между акторами возникла по поводу значения самой территории Ковалевского леса и происходивших там событий. Директор НИЦ «Мемориал»⁸ И. А. Флиге, которая разрабатывала концепцию этого памятного места, считала территорию Ковалевского леса местом проведения расстрелов в 1918–1921 гг. [Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...]. Такая позиция основывалась

на собранных свидетельствах людей, указывавших на эту территорию, описанных в исследовании В. В. Иофе. Четко обозначенное время окончания расстрелов на этой территории объяснялось тем, что она была «рассекречена» осенью–зимой 1921 г., в результате чего расстрелы прекратились и были перенесены в другое место. На территории в глубине лесного массива, в Койранкангасе, где в 2002 г. также были обнаружены захоронения, расстрелы, по мнению И. А. Флиге, не проводились до конца 1920-х гг. из-за отсутствия дороги [[Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...].

Настоятель храма св. великомученицы Анастасии Узорешительницы А. Степанов во второй половине 2000-х — первой половине 2010-х гг. был активным участником процесса создания коммеморативного проекта Ковалевского леса. В интервью он указывал, что точных сведений об этом месте и расстрелах времен красного террора не обнаружено и на данный момент «в этом месте ничего нет, а есть как раз в глубине полигона» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...]. Он считает, что захоронение было найдено группой НИЦ «Мемориал»⁹ случайно и «удивительным образом» и что поисковая деятельность, направленная на выявление других захоронений, воспринималась НИЦ «Мемориал»¹⁰ как «невыгодная» [Там же].

Уполномоченный по правам человека Ленинградской области С. С. Шабанов описывал Ковалевский лес как место содержания людей до расстрела, который проводился в Койранкангасе, на территории в глубине полигона: «Ну, важно теперь перейти, где же расстреливали-то все-таки? Расстреливали в Койранкангасе» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...]. При этом, по его мнению, Ковалевский лес был местом «страшного страдания людей» [Там же], и поэтому это пространство можно использовать для увековечения памяти жертв красного террора. «Даже если здесь не было расстрелов, даже если это не совсем так, это все равно место то, где можно говорить об истории этих событий. Вот место подходящее, вот все,

⁶ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

⁷ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

⁸ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

⁹ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹⁰ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

я бы даже так сказал» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...].

Койранкангас представляет собой труднодоступную территорию («там доступа нет, то есть там ничего не сделать» [Там же]) и закрыт для въезда в течение года, кроме одного выходного дня в середине октября, приуроченного ко Дню памяти жертв политических репрессий 30 октября («Койранкангас — это глубоко внутри полигона. Шлагбаум и въезд только раз в году» [Там же]), там «кроме захоронений ничего нет» [Там же], а Ковалевский лес расположен удобнее. Несмотря на то что это все еще территория военного полигона, она находится с его краю и имеет «осязаемое здание», поэтому относительно легко может быть «вырезана» [Там же] для создания там музейного комплекса.

Несмотря на предлагаемые актерами различные «тексты» о том, был ли Ковалевский лес местом массовых расстрелов, все мнемонические актеры считали эту территорию значимой для увековечения памяти жертв красного террора и высказывались о создании памятного места в Ковалевском лесу как о необходимости: «первые жертвы были здесь» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...], «...а где еще можно было бы говорить о событиях, вот этих событиях, здесь. В Ленобласти больше такого места нет» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...].

Конфликтные ситуации между актерами возникали также по поводу фигур, которых они связывали с коммеморативным проектом. А. Степанов считал возможным использовать Ковалевский лес как место увековечения памяти митрополита Вениамина Петроградского, расстрелянного летом 1922 г. Настоятель сообщал, что о месте его захоронения ничего не известно и в Санкт-Петербурге на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в его память установлен кенотаф. А. Степанов воспринимает Ковалевский лес как подходящее место для проведения панихид в память о нем, потому что он находится ближе к возможному месту расстрела: «Все-таки в той стороне, где-то, так сказать, это явно ближе к тому месту, где останки его находятся, мощи в смысле, не останки, вот» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...].

С. С. Шабанов считает, что митрополит мог быть расстрелян на территории Ковалевского

леса, и готов включить эту фигуру в коммеморативный проект: «Если он был расстрелян в те же годы, то он должен быть расстрелян по такой же точно схеме. Накопитель был один, никаких упоминаний про другой ничего нет...» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...].

И. А. Флиге считала, что Ковалевский лес нельзя рассматривать как место смерти митрополита, и отказывалась включать эту фигуру в коммеморативный проект: «Вениамина точно там нет» [Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...]. Объясняя свою точку зрения, она отмечала, что в 1922 г. территория уже не использовалась как место массовых расстрелов. В процессе построения своего нарратива представители НИЦ «Мемориал»¹¹ особое внимание уделяли хронологическим границам событий, объясняя ими легитимность использования Ковалевского леса как места для сохранения памяти о жертвах террора. Нежелание включать в проект фигуры, предлагаемые Русской православной церковью, может объясняться опасениями НИЦ «Мемориал»¹², что Русская православная церковь займет главную роль в процессе создания памяти о терроре и его жертвах, как это произошло в некоторых других мемориальных объектах, например на Бутовском полигоне.

С фигурой Н. С. Гумилева также были связаны конфликтные ситуации. Представители НИЦ «Мемориал»¹³ считали Ковалевский лес предполагаемым местом расстрела поэта и использовали его фигуру как значимый образ для формирования коммеморативного проекта. Однако А. Степанов, рассуждая о месте предполагаемого захоронения Н. С. Гумилева, говорил о том, что достоверных сведений нет, а место было выбрано случайно, как красивое: «Ну просто красивое место, наверное, понравилось кому-то и сказал: “Наверное, уже здесь его похоронили”. Вот» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...], однако подтверждал, что во время проводимых им панихид имя поэта упоминалось. С. С. Шабанов рассказывал, что считал возможным рассматривать

¹¹ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹² Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹³ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

Ковалевский лес как предполагаемое место смерти Н. С. Гумилева, потому что это «ближе всего», «где-то здесь»: «Мы повесили там табличку, о том, что вблизи этого здания, мы написали, расстрелян поэт Николай Степанович Гумилев. Вот, чтобы как-то привязать, ну по крайней мере то, о чем мы говорим, потому что истинного места расстрела никто не знает. Что это где-то, возможно, вблизи, вот есть какие-то хотя бы свидетельства, опосредованные, другого ничего нет» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...].

Сообщество памяти Н. С. Гумилева в первые годы существования коммеморативного проекта отвергало возможность увековечения памяти о поэте в Ковалевском лесу, но впоследствии включило это место в свою программу коммеморативных мероприятий: «Понятно, что у нас есть различные группировки, и есть три версии, где он расстрелян. Вот, не могу сказать, что мы тут скрестили шпаги, вот, но были у нас противники наши, которые говорили, что вообще во Всеволожске, на красивом месте, ну, поэты должны быть расстреляны где-то в красоте, они же не могут расстреляны быть, как все, это понятно. Но потом они согласились, что ближе всего к нам, конечно...» [Там же].

Рядом с Ковалевским лесом расположен мемориал «Цветок жизни», созданный в память о погибших детях блокадного Ленинграда и Дороге жизни. И. А. Флиге считала необходимым объединение в коммеморативном проекте «дороги жизни» и «дороги смерти». Она рассказывала, что «Цветок жизни» — «это один из лучших памятников, на мой опять же вкус и на наш общий коллективный вкус... памятник, блокадный памятник» [Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...]. В первоначальной идее созданной ею концепции ««Цветок жизни» и Ковалевский лес должны были как бы устроить такую переключку. И поэтому... была идея соединить несоединимое, то есть вот этот мемориальный комплекс посвятить не только террору, но и памяти о войне» [Там же]. Однако было принято решение не включать подробное обоснование этой идеи в итоговый вариант концепции из-за опасений, что она не будет одобрена. Первоначальная идея заключалась в том, что ««Цветок жизни» и место смерти рядом, это ну как бы дает возможность соединить XX век, потому что там бы заиграла

бы Дорога жизни, которая выполняла функцию дороги смерти и дороги жизни, да и вся блокадная история бы там тоже выплыла...» [Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...], «война, присутствие блокады, и присутствие как бы войны, оно все равно обо всех, потому что и национальные операции в период войны, да и блокадный террор, он же чудовищный был, вообще для Ленинграда соизмерим с Большим террором» [Там же]. Планируя создание мемориального комплекса в Ковалевском лесу, НИЦ «Мемориал»¹⁴ рассматривал идею посвящения его многим темам трудного прошлого: «смысл этой концепции, что, да, на историческом месте, но обо всем» [Там же]. Проекты НИЦ «Мемориал»¹⁵ были направлены на создание условий для обращения к теме прав человека и их нарушений, увековечение памяти всех жертв насилия и извлечение этического вывода из создаваемого нарратива, но подобные идеи часто встречали сопротивление других акторов.

Разрабатывая собственную концепцию памятного места в Ковалевском лесу, С. С. Шабанов не разделял точку зрения И. А. Флиге о необходимости объединения истории блокады Ленинграда и Дороги жизни и истории красного террора: «Ну это разные времена, во-первых, и разное содержание. И очень страшно, что «Цветок жизни» рядом со смертью, поэтому как-то совершенно не должно совпадать и ни в одном буклете попадаться не должно. Дорога жизни, «Цветок», то есть это надежда и человеческая жизнь. А здесь-то смерть. Здесь трагедия, здесь горе» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...].

Если НИЦ «Мемориал»¹⁶ предлагал использовать Ковалевский лес для распространения информации о всех жертвах советского периода, то уполномоченный фокусировался только на увековечении памяти жертв политических репрессий, стараясь не усложнять создаваемый нарратив. Несмотря на различие позиций, этот конфликт не стал препятствием для развития коммеморативного проекта Ковалевского леса.

¹⁴ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹⁵ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹⁶ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

В ходе деятельности рабочей группы и формирования проекта Ковалевского леса у представителей Русской православной церкви и НИЦ «Мемориал»¹⁷ возникла конфликтная ситуация по поводу вовлеченности акторов в процесс увековечения памяти жертв. А. Степанов рассказывал: «Немного были трения у нас с “Мемориалом”¹⁸ у меня, потому что церковь хотела, чтобы там какой-то храм был тоже, памятник или что-то в этом роде, где можно было бы церковно поминать...» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...], «ну, в общем, она [И. А. Флиге], она яв... не хотела, чтобы церковь взяла это в свои руки, то есть это дело все-таки как бы более широкое, общественное, вот, и, значит, она хотела за столбить это за “Мемориалом”¹⁹ и просто боялась, что если там появится храм, ну вот они все, церковники, заграбастают там, да, хотя ровным счетом никаких на этот счет идей у нас не было, мы готовы были сотрудничать, пожалуйста, все, что мы знаем, мы вам дадим, а вы поделитесь своим, ну, в общем, это так уже, такие мелкие какие-то там были шероховатости, но во всяком случае вот план был такой» [Там же].

Он считал, что во многом такое мнение И. А. Флиге было обусловлено ее позицией в отношении церкви и религии [Там же]. Отмечая, что НИЦ «Мемориал»²⁰ «очень не нравилось то, что сделано было в Москве, на Бутовском полигоне», он указывал и на положительные стороны такой деятельности: «Там действительно церковь взяла в свои руки это дело, но там и очень много сделано. Там огромный тоже и комплекс, и музей, и все, чего там только нету. Вот, поскольку другие организации как-то, ну не получали такого одобрения от государства, может быть, за счет этого, может быть, не так уж и как-то там упорно стремились что-то сделать, а церкви передали, вот там храм построен и...» [Там же].

Е. Махотина, описывая проект увековечения памяти жертв сталинских репрессий

в Бутово, объясняла значимость этого места для Русской православной церкви тем, что «при идентификации жертв расстрелов выявился беспримерно высокий процент священников», что в итоге способствовало наиболее отчетливому проявлению «церковной культуры памяти». В процессе увековечения памяти о новомучениках Русская православная церковь характеризует репрессии как «жертвы ради веры» [Махотина, 148–149], которые «способствовали возрождению и развитию Русской православной церкви и содействуют созданию лучшего будущего для всей нации» [Bogumil, 83]. Однако церковная память фокусируется на жертвах, и «вместо рационального осмысления реальных структур и техник террора посетитель Бутово выносит для себя лишь религиозный универсальный контекст борьбы добра со злом и искупления» [Махотина, 150]. Религиозный язык памяти о жертвах репрессий используется и в других местах коммеморации, таких как Сандармох, Левашовская пустошь, Коммунарка, Соловецкие острова и места, связанные с системой ГУЛАГа. Религиозные знаки представляют собой универсальный символ трагедии, выражают «своей формой отчуждение от советского» [Там же, 146] и защищают памятник от демонтажа [Там же, 156]. Однако такой язык памяти часто вызывает критику со стороны светских организаций, что можно заметить и на примере Ковалевского леса.

Как отмечала И. А. Флиге, «наша позиция была... гражданская, да, что это гражданское должно быть место, а не церковное, и это первое, а второе — то, что... то, что нельзя, чтобы была только одна конфессия» [Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...]. Стремясь создать исследовательский центр, НИЦ «Мемориал»²¹, осваивая значимое для него пространство Ковалевского леса, отказывался делить его с Русской православной церковью и ограничивал территорию для постройки религиозных сооружений. Участвуя в создании коммеморативного проекта Ковалевского леса, НИЦ «Мемориал»²² часто занимал позицию мнемонического борца, как его понимает О. Ю. Малинова, то

¹⁷ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹⁸ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

¹⁹ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

²⁰ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

²¹ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

²² Организация, выполняющая функции иностранного агента.

есть представляя «свое видение прошлого как единственно верное», стремясь «делегитимизировать нарративы оппонентов, проводя границу “свой” — “чужой”» [Малинова, 36] и отказываясь принимать точку зрения других акторов. Однако с течением времени для успешной реализации проекта был готов занять более принимающую позицию в отношениях. Исследовательский центр в Ковалевском лесу не был создан, однако проведение и религиозных мероприятий Русской православной церковью, и образовательных экскурсий, и других мероприятий НИЦ «Мемориал»²³ стало частями коммеморативного проекта.

Конфликтные ситуации во время формирования коммеморативного проекта Ковалевского леса возникали также по поводу установленных там памятных знаков. При этом критика деятельности активистов объединяла основных акторов, позиционировавших себя как экспертов по памяти и воспринимавших «простых людей» как любителей или сектантов. Акторы были готовы принимать легитимированный через науку или источники «текст» в отличие от «текста», предоставленного непрофессионалами. Так, все мнемонические акторы высказывали критику в отношении приводимых на памятных знаках сведений: «Относительно точности и ответственности материалов, которые там размещены, это очень большие вопросы, это и мне тоже было совершенно понятно, ну я никак не поощрял» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...]; «Вот там вон на этих стендах как раз, вот эта вот вся, такая, ну... паранаучная информация размещена» [Там же]; «Всякие апокрифические там данные размещал на этих стендах, там, непонятно откуда взявшиеся» [Там же]; «Они прилепляют туда вот это все, там, царскую семью лепят туда, там, и все подряд, то есть, и так далее» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...]; «А там еще не то было написано, там вообще страшное дело, че было написано» [Интервью с Флиге Ириной Анатольевной...]; «Тексты — жуть мрачная, да, с одной стороны, а с другой стороны, кто-то их писал» [Там же].

Акторы, критикуя эти памятные знаки, тем не менее оставляли их в пространстве Ковалевского леса, или не считая эту деятельность попадающей в их сферу ответственности, или придерживаясь исследовательских целей, или для сохранения атмосферы: «То, что висит на, на этих самых, на деревьях, мы срывали только совсем ветхое, которое уже совсем такое, дрянное, уже никуда не годится. Ну оно как бы, как бы антураж, то есть мы не стали разрушать» [Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем...]. Пока мнемонические акторы направляли свои усилия на придание Ковалевскому лесу официального статуса и формирование собственного нарратива, неизвестные активисты, пользуясь свободой из-за отношения других акторов, конструировали еще одну версию прошлого, основой которой была история новомучеников и их почитание.

Мнемонические акторы, заинтересованные в преодолении забвения красного террора 1920-х гг. и в формировании коммеморативного проекта, увековечивающего память о жертвах, стремились и стремятся создать в Ковалевском лесу мифологизированную версию прошлого для посетителей, поэтому, даже развенчивая одни мифы, они направляют усилия на поддержку других. На основании собранных интервью можно заметить, что в качестве таких мифов акторы используют образ Ковалевского леса как места расстрелов времен красного террора 1920-х гг., как места расстрела митрополита Вениамина Петроградского или Н. С. Гумилева. В процессе развития коммеморативного проекта Ковалевский лес включает в себя все эти мифы и становится гибким пространством, в котором выделяется место для каждого.

Однако можно заметить, что с течением времени меняются позиции акторов, занимающихся коммеморативным проектом Ковалевского леса. Их взаимоотношения характеризовались наличием конфликтных ситуаций в первые годы включения в процесс создания коммеморативного проекта новых участников, но с течением времени отношения выстраивались как взаимно принимающие. Мнемонические акторы, фокусируясь на реализации проекта по созданию памяти о терроре и репрессиях, приходили к компромиссу в конфликтных вопросах. Стремясь сформировать

²³ Организация, выполняющая функции иностранного агента.

пространство для коммеморации жертв террора и репрессий или сохранить историю его развития, акторы соглашались с включением в него многих нарративов.

Несмотря на то что существует потребность в увековечении памяти о репрессиях, терроре и их жертвах, эта память вынесена за черту города. Посещающим это памятное место горожанам необходимо прикладывать дополнительные усилия или ездить туда организованными

группами только в определенные дни. И хотя Ковалевский лес расположен удобнее Койранкангаса и доступ для посетителей туда остается открытым все время, его местонахождение за чертой города может быть ограничивающим фактором: «Ну это [Соловецкий камень], это просто ближе, понимаете, уже тащиться... за тридевять земель, это тоже немножко отдельная история» [Интервью со Степановым Александром Олеговичем...].

Список источников

- Интервью со Степановым Александром Олеговичем от 03.02.2023 // Архив автора.
 Интервью с Флиге Ириной Анатольевной от 10.11.2023 // Архив автора.
 Интервью с Шабановым Сергеем Сергеевичем от 17.03.2023 // Архив автора.
 Малинова О. Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы : коллектив. моногр. / Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, Центр изучения культурной памяти и символ. политики ; ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2020. С. 26–39.
 Махотина Е. М. Религиозный язык памяти: Россия в европейском контексте // Там же. С. 144–161.
 Шторн Е., Бутейко Д. Борьба за ограниченное пространство памяти на Соловках // Неприкосновенный запас. 2016. № 108 (4).
 Bogumil Z. Gulag Memories: the Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past / transl. P. Palmer. N. Y. ; Oxford : Berghahn Books, 2018.
 Dwyer O., Alderman D. Memorial landscapes: analytic questions and metaphors // GeoJournal. 2008. Vol. 73, № 3. Collective memory and the politics of urban space. P. 165–178.

References

- Bogumil, Z. (2018). *Gulag Memories: the Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past* / transl. P. Palmer. New York; Oxford: Berghahn Books.
 Dwyer, O., Alderman, D. (2008). Memorial landscapes: analytic questions and metaphors. *GeoJournal*, 73, 3, Collective memory and the politics of urban space, 165–178.
 Interv'yu s Flige Irinoi Anatol'evnoi ot 10.11.2023 [Interview with Irina Anatolyevna Fliege dated November 10, 2023]. *Arkhiv avtora*.
 Interv'yu s Shabanovym Sergeem Sergeevichem ot 17.03.2023 [Interview with Sergei Sergeevich Shabanov dated March 17, 2023]. *Arkhiv avtora*.
 Interv'yu so Stepanovym Aleksandrom Olegovichem ot 03.02.2023 [Interview with Alexander Olegovich Stepanov dated February 3, 2023]. *Arkhiv avtora*.
 Makhotina, E. M. (2020). Religiozniy yazyk pamyati: Rossiya v evropeiskom kontekste [Religious language of memory: Russia in the European context]. *Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, Tsentr izucheniya kul'turnoi pamyati i simvolicheskoi politiki*. A. I. Miller, D. V. Efremenko. *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy: aktyor, instituty, narrativy: kollektivnaya monografiya*, 144–161. SPb.: Izdatelstvo EUSPb.
 Malinova, O. Yu. (2020). Rezhim pamyati kak instrument analiza : problemy kontseptualizatsii [Memory mode as a tool of analysis: problems of conceptualization]. In *Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, Tsentr izucheniya kul'turnoi pamyati i simvolicheskoi politiki*. A. I. Miller, D. V. Efremenko (eds.). *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy: aktyor, instituty, narrativy : kollektivnaya monografiya*, 26–39. SPb.: Izdatelstvo EUSPb.
 Shtorn E., Buteiko D. (2016). Bor'ba za ogranichennoe prostranstvo pamyati na Solovkakh [The struggle for limited memory space on Solovki]. *Neprikosnovennyi zapas*, 108(4).

Сведения об авторе

Успенская Дарья Антоновна — магистрант факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Information about the author

Daria A. Uspenskaya — MA student of Department of History of European University at St. Petersburg, Saint-Petersburg, Russia

Статья поступила в редакцию 01.04.2024;
 одобрена после рецензирования 15.04.2024;
 принята к публикации 30.04.2024

The article was submitted 01.04.2024;
 approved after reviewing 15.04.2024;
 accepted for publication 30.04.2024